

Изъ воспоминаній Н. А. Малевского-Малевича.

Глава 7.

Розовы принадлежали къ числу коренныхъ москвичей и имѣли большой кругъ знакомства среди дворянской и чиновной Москвы. Со смертью дѣдушки Александра Ивановича¹⁾ въ 1866 г. свѣтскія связи ихъ значительно сократились. Бабушка Юлія Федоровна, овдовѣвъ, ограничила свои выѣзды немногими, наиболѣе близкими домами. Мнѣ хорошо памятни съ этого времени семья Калачовыхъ, Павловыхъ, Рѣшетниковыхъ, Тургеневыхъ и Жарковыхъ, къ которымъ меня возили еще ребенкомъ.

Калачовы были нашими сосѣдями по Скатертному переулку. Глава семьи—старуха Варвара Петровна—жила въ своемъ одноэтажномъ особнякѣ съ мезониномъ, окруженная дѣтьми и внуками, которыхъ насчитывалось болѣе тридцати. Одинъ изъ ея сыновей—Владиміръ Васильевичъ квартировалъ съ многочисленной семьей на томъ же дворѣ, въ домѣ матери, выходившемъ въ Хлѣбный переулокъ; обѣ замужнія дочери ея—Елизавета Васильевна Яковлева и Анна Васильевна Филимонова также имѣли свои дома по сосѣдству—первая въ Скатертномъ переулкѣ, а вторая—въ Хлѣбномъ.

Старшій сынъ Варвары Петровны—Николай Васильевичъ, профессоръ и впослѣдствіи сенаторъ, извѣстенъ какъ издатель „Русской Правды“ и основатель Археологическаго Института. Про его трудолюбіе рассказывали, что онъ такъ усердно сидѣлъ за книгами, что протеръ себѣ лысину на вискѣ, имѣя привычку опираться головой

См. ГЛАВУ I.

на руку при чтеніи. Чтобы отучиться отъ этой привычки, Николай Васильевичъ сталъ во время занятій вязать чулокъ. Я хорошо помню его высокую, согбенную фигуру, темное, морщинистое лицо, сѣдые коротко подстриженные баки, живые, очень близко другъ отъ друга сидящіе глаза. Съ его единственнымъ сыномъ Николаемъ я изрѣдка встрѣчался въ семьѣ его дяди—Владимира Васильевича. Бѣдный юноша, подававшій большія надежды, лѣтъ 18-ти заболѣлъ скоротечной чахоткой и умеръ въ Алжирѣ.

Второй сынъ Варвары Петровны—Владимиръ Васильевичъ—женатъ былъ на красавицѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, рож. Пушкевичъ, и имѣлъ отъ нея четверыхъ сыновей и двухъ дочерей. Съ двумя послѣдними—Варварой и Ольгой¹⁾ (Гугушей) мы дѣти, т. е. сестра моя Евгенія и я, были особенно дружны. Онѣ весной и въ началѣ лѣта почти ежедневно приходили играть съ нами въ нашемъ саду. Иногда ихъ сопровождали ихъ старшіе братья, тогда уже взрослые мальчишки—Николай и Алексѣй. Съ ними мы играли въ „казаки-разбойники“, бѣгали въ горѣлки, прятались по кустамъ.

И самъ Владимиръ Васильевичъ, и его жена, и дѣти были чрезвычайно красивы и породисты—высокіе, крупные, черноволосые, всѣ одинъ къ одному, какъ на подборъ. Особенно хороша была старшая дочь Варя, выросшая впоследствии въ настоящую красавицу, съ осанкой молодой королевы. Она дружила съ моей сестрой Евгеніей, а я съ младшей Калачовой—Ольгой, хорошенькой и бойкой, любившей меня дразнить. Позже, будучи въ старшихъ классахъ гимназіи, я сильно увлекался моей подругой дѣтства; но она, тогда почти уже взрослая дѣвица, не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія.

У Калачовыхъ въ домѣ жилось весело; зимой для молодежи ежедневно устраивались вечеринки съ танцами, „petits jeux“ и ужиномъ.

Собирались многочисленныя кузены и кузины, товарищи братьевъ, близкіе друзья; играли въ кольцо, веревочку, въ фанты и шарады, танцевали, устраивали домашніе спектакли. Режиссеромъ выступалъ юварицъ по гимназіи старшихъ сыновей Владимиръ Ивановичъ Путья, очень талантливый актеръ, къ сожалѣнію рано умершій.²⁾ Онъ ставилъ у Калачовыхъ два акта изъ „Свадьбы Кречинскаго“ при чемъ самъ отлично игралъ Расплюева: роль Кречинскаго удачно исполнялъ Пуаре, сынъ извѣстнаго въ то время въ Москвѣ учителя фехтованія.

¹⁾ Скончалась въ 1914.

²⁾ Путья игралъ впоследствии въ Московскомъ Артистическомъ Кружкѣ.

Бывало съ нетерпѣніемъ ждешь пригласительной записки отъ Калачовыхъ и вечеромъ чуть не первымъ являешься въ ихъ уютный особнякъ въ Хлѣбномъ переулкѣ. На стѣнахъ горятъ свѣчи въ бронзовыхъ „бра“; паркетный полъ въ залѣ блеститъ какъ зеркало; лакеи разносятъ куренье. Во второй гостиной величественно возсѣдаетъ Анна Алексѣевна; не безъ робости подходишь къ ея ручкѣ и спѣшишь въ танцевальный залъ, куда собираются гости: дѣвочки въ свѣтлыхъ платьяхъ, въ локонахъ и лентахъ, мальчики въ сюртучкахъ и курточкахъ (смокинга тогда не было и въ поминѣ) и лаковыхъ башмакахъ. Главное щегольство тогдашней подраставшей молодежи проявлялось въ ботинкахъ, только-что замѣнившихъ старозавѣтные сапоги съ голенищами. Задумалъ и я завести себѣ модную обувь и отправился наканунѣ бала у Калачовыхъ къ извѣстному сапожнику французу-Пироне, поставщику Императорскихъ театровъ. Но увы, съ обновкой мнѣ не повезло! Модныя ботинки оказались слишкомъ узкими. За танцами такъ заломило ступни, что въ антрактахъ приходилось выбѣгать въ сѣни и наскоро снимать ботинки, чтобы дать ногамъ отдохнуть. Но это помогало не надолго, и мнѣ скрѣпя сердце, пришлось вернуться домой до ужина и катильона. Какъ я досадовалъ на француза, всучившаго мнѣ узкія ботинки! Попытка обмѣнять ихъ на болѣе просторныя окончилась, конечно, неудачей.

У старухи Варвары Петровны Калачовой былъ еще третій сынъ Викторъ Васильевичъ, женатый на Лидіи Александровнѣ, рожденной Струговщицкой. Онъ предводительствовалъ и губернаторствовалъ въ Ярославской и Костромской губерніяхъ, состоялъ Директоромъ Департамента въ Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, присутствовалъ во 2-омъ Департаментѣ Сената и скончался Членомъ Государственнаго Совѣта въ 1910 году.

В. П. Калачова дожила до глубокой старости. Въ послѣдніе годы своей жизни она начала впадать въ старческій маразмъ и медленно угасала, окруженная заботливостью своихъ дѣтей и внуковъ. Уже задолго до кончины она совершенно потеряла память и цѣлыми днями лежала въ постели, безпрестанно повторяя одну и ту же фразу: „Подыми меня“....

Патріархальная семья Калачовыхъ составляла въ Москвѣ какъ бы особый „кланъ“. Въ ихъ обширный родственный кругъ новички допускались не охотно: но старыя связи и знакомства поддерживались отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Семья Павловыхъ отличалась также многолюдствомъ. У профессора Московскаго Университета Михаила Григорьевича Павлова, со-ставителя извѣстнаго въ то время курса физики, было четыре сына: Михаилъ, Рафаиль, Сергѣй и Николай и двѣ дочери—Марія и Евге-нія. На моей памяти Мих. Гр. Павлова уже не было въ живыхъ и всѣхъ его сыновей и дочерей я въ дѣтствѣ засталъ взрослыми. Пав-ловы давно дружили съ Розовыми. Дѣдъ Александръ Ивановичъ Ро-зовъ и бабушка Юлія Федоровна очень близко знали Михаила Гри-горьевича и его супругу Марію Петровну, а моя мать Екатерина Але-ксандровна (рожденная Розова) и тетка Надежда Александровна вели дружбу съ дочерьми М. Г. Павлова—Маріей въ замужествѣ Майко-вой, Евгеніей въ замужествѣ Чернышевой. Отецъ ихъ, Михаилъ Гри-горьевичъ пользовался въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ про-шлаго столѣтія большимъ уваженіемъ и имѣлъ обширный кругъ зна-комства въ Москвѣ, гдѣ содержалъ пансіонъ при извѣстномъ Дворян-скомъ Институтѣ, о которомъ немало писано въ нашихъ историче-скихъ журналахъ.

Тетка моя, Надежда Александровна, часто гáщивала у Павловыхъ въ Медынскомъ уѣздѣ, имѣніи, гдѣ они проводили лѣто, и много мнѣ рассказывала про своеобразный укладъ ихъ деревенской жизни. Извѣ-стно, что въ помѣщичьемъ быту, при крѣпостномъ правѣ, широко развивались разнаго рода барскія чудачества. Такихъ чудачествъ не избѣгла и просвѣщенная семья Павловыхъ. Въ ихъ обширномъ дере-вянномъ домѣ жилось весело и привольно, хотя молодежь по своимъ „убѣжденіямъ“ рѣзко раздѣлялась на два лагеря—западниковъ и сла-вянофиловъ—и спорамъ на эти темы не было конца. Различіе поли-тическихъ вкусовъ среди братьевъ и сестеръ находило себѣ выраже-ніе въ ихъ образѣ жизни, вкусахъ, одеждѣ, обращеніи. „Западники“ носили платья „нѣмецкаго“ покроя, говорили между собой по фран-цузски, обучали домашнюю прислугу—босоногихъ Парашекъ и Ма-трѣшъ—разнымъ мудренымъ иностраннымъ словамъ, требовали себѣ за завтракомъ и обѣдомъ, къ негодованію ключницы и стараго дво-рецкаго, бѣлаго хлѣба вмѣсто чернаго, пили по утрамъ кофе; „славя-нофилы“ ходили въ косовороткахъ, высокихъ сапогахъ и поддевкахъ, высмѣивали французскую рѣчь, заставляли тѣхъ же Акулекъ и Дунекъ повторять бессмысленный наборъ заученныхъ иностранныхъ словъ, требовали себѣ къ столу изъ людской русскія простонародныя блюда—тюрю съ квасомъ, тертую рѣдьку съ подсолнечнымъ масломъ, луков-никъ, студень. Въ домѣ царила полная свобода и непринужденность; всякій вставалъ, ложился, завтракалъ, обѣдалъ—когда хотѣлъ.

Чопорная, невозмутимая Марія Петровна Павлова мало входила въ жизнь своихъ дѣтей—она всею своимъ спокойнымъ обликомъ, сдержанностью рѣчи, точнымъ выполнениемъ изстари заведенныхъ правилъ домашняго обихода—могла служить живой противоположностью шумливой, непостоянной молодежи, которая ее окружала. Утромъ, всегда въ одинъ и тотъ же часъ, Марія Петровна выходила изъ своей опочивальни въ столовую въ своемъ неизмѣнномъ широкомъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ въ видѣ тюрбана съ лентами, садилась въ свое излюбленное вольтеровское кресло и кушала чай изъ особой чашки, ежедневно обращаясь къ экономкѣ съ одними и тѣми же немногосложными вопросами: про погоду, про почту и т. под. Къ чаю постепенно собирались дѣти, подходили чинно къ ручкѣ Маріи Петровны, и въ первыя минуты старались при матери не нарушать торжественнаго обряда чаепитія. Но не надолго. Первый поводъ подавалъ обыкновенно Николай Михайловичъ (впослѣдствіи извѣстный историкъ и публицистъ, сотрудникъ И. С. Аксакова), входившій къ чаю каждый день съ новой прической: то все волосы подыметъ дыбомъ, то зачешетъ ихъ гладко назадъ, то явится съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ, то спуститъ на лобъ прядь волосъ „à la Капуль“. Братья и сестры уже знаютъ эту продѣлку и встрѣчаютъ появленіе Николая Михайловича взрывомъ дружнаго хохота; а онъ съ невозмутимѣйшимъ видомъ подходитъ къ ручкѣ матери, какъ бы ничего не замѣчая. „Здравствуй Миколушка“, скажетъ ласково Марія Петровна, цѣлуя въ лобъ сына. Будущій сподвижникъ Аксакова и одинъ изъ послѣднихъ славянофиловъ стараго московскаго толка, Николай Михайловичъ вкладывалъ извѣстную идейность въ свои юношескія шалости: ежедневная перемѣна прически должна была наглядно показывать, насколько смѣшна перемѣнчивость западной моды съ ея „фасонами“ и „сезонами“. Но, конечно, его самого забавляла ежедневная перемѣна куафюры. Весьма любопытны были разыгрываемыя въ Павловскомъ домѣ „дѣйства“, къ которымъ привлекалась на разныя роли и домашняя прислуга. „Дѣйства“ эти часто принимали видъ назидательныхъ или шутливыхъ діалоговъ; напр. на вопросъ, „Кто ты есть?“ вопрошаемый отвѣчалъ: „Человѣкъ божій, обшитый кожей, сверху рогожей“ и т. д. Такіе діалоги были тогда въ модѣ. Къ „Дѣйствамъ“ въ качествѣ зрителей собирался весь домъ: чада, домочадцы и челядь. Непремѣнно приглашался и сельскій батюшка, весьма любимый Павловыми за его своеобразный языкъ. Его выраженія записывались и запоминались, какъ перлы семинарскаго краснорѣчія. „Дождь идетъ, батюшка,“—говорятъ ему; да, отвѣчаетъ онъ, пытливо глянувъ въ окно, *коственное имѣеть нпривленіе*“.

Въ устройствѣ деревенскихъ спектаклей у Павловыхъ принималъ большое участіе сосѣдъ ихъ по имѣнію Николай Павловичъ Чернышевъ, женившійся впоследствии на одной изъ дочерей М. Г. Павлова—Евгеніи Михайловнѣ. Чернышевъ былъ страстнымъ любителемъ театра и на свои театральныя затѣи прожилъ большую часть своего крупнаго состоянія: онъ унаслѣдовалъ имѣнія своего предка съ материнской стороны графа Моркова и еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ оказался владѣльцемъ богатѣйшаго помѣстья на югѣ и тысячи душъ въ среднихъ губерніяхъ. Самъ онъ отличался большими причудами. Про него рассказывали, что пріѣхавъ въ первый разъ въ одну изъ доставшихся ему отъ тетки Морковой вотчинъ, онъ вышелъ къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, благоговѣнно подносившимъ ему хлѣбъ-соль, въ костюмѣ арлекина и стоялъ передъ ними, балансируя на одной ногѣ.

Впрочемъ Чернышевъ былъ человѣкъ образованный, начитанный и очень остроумный. Барскія чудачества его были не чужды нѣкотораго протеста противъ доживающаго дореформеннаго быта и вызывались отчасти вліяніемъ времени. Выходъ помѣщика къ своимъ „подданнымъ“ въ шутовскомъ нарядѣ былъ сочтенъ губернскимъ начальствомъ за „вольнодумство“ и Николая Павловича чуть не взяли въ опеку. У четы Чернышевыхъ была одна дочь Варя, которую они воспитывали по началамъ естественнаго воспитанія „Эмиля“ Ж. Ж. Руссо. Дѣвочку до 12-ти лѣтъ ничему не учили, одѣвали мальчиномъ, коротко стригли волосы, предоставляли полную свободу. Лѣтомъ, въ деревнѣ, она бѣгала по саду босикомъ, въ одной рубашкѣ, подпоясанный ремешкомъ, вполне предоставленная самой себѣ. Пятнадцати лѣтъ она играла съ отцомъ въ Одессѣ, въ городскомъ театрѣ, „Дездемону“, а онъ игралъ „Отелло“, роль вовсе не подходившую къ его сухой, тщедушной, совсѣмъ не героической фигурѣ. Еще задолго до Айсидоры Дунканъ Варя Чернышева танцевала подъ музыку свои фантазіи. Я видѣлъ ее танцующей Шонена съ неподражаемой граціей: съ легкимъ вуалемъ въ рукахъ съ распущенными волосами, она скользила безшумно по паркету, то граціозно перегибаясь, то кружась и поднимая надъ головой руки. Это былъ прелестный безыскусственный, природный танецъ молодости, красоты, зарождавшейся женской страсти.

Варвара Николаевна Чернышова вышла замужъ очень рано; ей едва минуло 17 лѣтъ, когда она сдѣлалась женой юнаго врача, только что окончившаго курсъ и одѣвшаго военный мундиръ отбывать воинскую повинность въ Лефортовскихъ казармахъ въ Москвѣ.

Изъ всей семьи Павловыхъ я ближе другихъ зналъ Николая Михайловича, съ которымъ хорошо познакомился, когда онъ жилъ въ Москвѣ.

состоя Членомъ Правленія Московскаго Купеческаго Общества Взаимнаго Кредита, гдѣ знаменитый Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ предсѣдателемъ. А я въ то время только-что поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета. Я часто навѣщалъ Николая Михайловича въ „Оболдуевкѣ“, какъ онъ называлъ надворный деревянный флигель, окруженный садомъ въ домѣ Оболдуева въ Хлѣбномъ переулкѣ, гдѣ онъ нанималъ квартиру. Сюда я любилъ заходить къ нему въ послѣобѣденные часы поспорить на политическія и философскія темы, или послушать отрывки изъ его произведеній, которыя онъ читалъ мнѣ въ рукописи. Я прослушалъ въ его чтеніи многія выдержки изъ его „Русской Исторіи съ Древнѣйшихъ Временъ“, нѣкоторыя его философскія статьи, непопавшія въ печать, и начатую имъ драму въ пяти дѣйствіяхъ изъ современной жизни.

Еще въ дѣтствѣ я съ жадностью проглотилъ его первый историческій романъ „Царскій Сокольникъ“, написанный превосходнымъ языкомъ и проникнутый чувствомъ неподдѣльной любви къ русской старинѣ.

Въ „Оболдуевку“ надо было попасть черезъ глухую деревянную калитку и небольшой, типично московскій дворикъ; среди него буйно росли кусты сирени, акаціи и шиповника. За этими, широко раскинувшимися кустами, прятался уютный флигелекъ, въ пять оконъ, болѣе похожій на деревенскую дачу, чѣмъ на городской особнякъ. Дверь во флигель отворялъ молодой деревенскій парень, въ косовороткѣ и высокихъ сапогахъ. Изъ темноватыхъ сѣней гость прямо попадалъ въ бібліотеку—книги на полкахъ заполняли стѣны до потолка; слѣдующая комната—пріемная Николая Михайловича поражала своей неожиданной роскошью, совсѣмъ не шедшей къ внѣшнему виду „Оболдуевки“. Полъ пріемной былъ устланъ дорогими восточными коврами, кругомъ стояли широкія бархатныя тахты съ множествомъ шелковыхъ подушекъ разнаго вида и размѣра; на стѣнахъ висѣли картины первоклассныхъ художниковъ. Здѣсь раскинувшись на тахтѣ, въ бухарскомъ халатѣ и мягкихъ сафьяновыхъ сапогахъ, Николай Михайловичъ любилъ отдыхать отъ своихъ дневныхъ трудовъ въ ненавистномъ ему банкѣ. Банковская дѣятельность претила его артистической, талантливой натурѣ, но онъ тянулъ лямку, такъ какъ служба въ обществѣ Взаимнаго Кредита давала ему отъ 20-ти до 25-ти тысячъ въ годъ. Семья Николая Михайловича жила въ деревнѣ, въ селѣ Есуковѣ, Каширскаго уѣзда, и жена его, Екатерина Николавна, рожденная Арцыбашева, навѣщала мужа дицѣ отъ времени до времени. Екатерина Николавна была особой

очень замѣчательной: черная, некрасивая собой, въ своеобразномъ полумужскомъ костюмѣ, съ грубоватымъ голосомъ, она привлекала своимъ добродушнымъ юморомъ, простотой обращенія, оригинальной бесѣдой, чуждой всего условнаго или пошловатаго. Она близко принимала къ сердцу научные и литературные труды своего мужа, переписывала его рукописи, держала корректуру, сносила съ типографіями. Болѣе преданнаго, заботливаго, безкорыстнаго друга трудно было себѣ представить. Хорошо образованная, много читавшая, слѣдившая за литературными и общественными движеніями, она была неопѣнимой помощницей своего мужа. Въ деревнѣ ею держалось все хозяйство, въ городѣ Николай Михайловичъ не предпринималъ ничего безъ ея совѣта. У нихъ было двое дѣтей—старшая дочь Марія Николавна вышла замужъ за помѣщика Каширскаго уѣзда Ртищева, младшій сынъ Николай унаслѣдовалъ отъ отца талантливость, а отъ матери самостоятельный характеръ. Впослѣдствіи онъ былъ мировымъ судьей въ Москвѣ. Николай Михайловичъ былъ очень красивъ собой—высокій, представительный, выхоленный, онъ занимался своей внѣшностью, любилъ хорошіе духи, носилъ шелковое бѣлье, одѣвался щеголевато. Его успѣхи въ артистическомъ мірѣ были извѣстны въ Москвѣ. Для одной знаменитой артистки Малаго Театра онъ перевелъ и обработалъ для сцены Гетевского Фауста, который продержался нѣкоторое время на Московской сценѣ. При своей широкой, богато одаренной натурѣ Н. М. Павловъ живо интересовался не только историческими изысканіями¹⁾ и литературой, но и политикой. Состоя въ близкой дружбѣ съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Хомяковымъ и Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ онъ съ университетской скамьи вошелъ въ кружокъ славянофиловъ, сотрудничалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Днѣ“ и въ „Руси“ И. С. Аксакова.

Наши бесѣды съ Николаемъ Михайловичемъ чаще всего касались философскихъ вопросовъ. Онъ любилъ выспрашивать меня, чему насъ учать въ Университетѣ. Какъ отличный діалектикъ, онъ легко сбивалъ меня съ теорій, вычитанныхъ изъ профессорскихъ лекцій. Я увлекался тогда Спенсеромъ, Боклемъ и Милемъ, съ жадностью слушалъ въ Университетѣ М. М. Троицкаго²⁾ и былъ проникнутъ уваженіемъ къ европейской наукѣ. Н. М. Павловъ относился къ западному просвѣщенію отрицательно, признавалъ только успѣхи техники, прогрессъ тѣхъ

¹⁾ Первая историческая монографія Павлова пыталась разрѣшить загадку Лжедмитрія.

²⁾ Профессоръ философіи, читавшій въ Московскомъ Университетѣ лекціи въ 70-хъ годахъ.

отраслей знанія, которыя могутъ опредѣляться понятіемъ: „число, мпра, вльсь“, но отрицалъ всякое значеніе прикладныхъ знаній для самой важной науки—познанія человѣческаго духа. Англійскихъ психологовъ новой школы онъ совершенно не зналъ. Мало цѣнилъ Николай Михайловичъ и всякія юридическія дисциплины, считая ихъ совершенно не пригодными для русской жизни. Какъ истый славянофилъ и послѣдователь Хомякова и Погодина, онъ не терпѣлъ „правового порядка“, твердо вѣря, что Русь идетъ своимъ путемъ и къ своимъ особымъ цѣлямъ. На эту тему Николай Михайловичъ говорилъ горячо и краснорѣчиво, образнымъ языкомъ сравненій, мѣткихъ московскихъ словечекъ и смѣлыхъ парадоксовъ.

Какъ коренной москвичъ, Ник. Мих. любилъ хорошо покушать и зналъ толкъ въ поварскомъ дѣлѣ. На охотѣ онъ самъ отлично готовилъ пилать и разварную осетрину. Но даже въ гастрономіи онъ оставался вѣренъ своимъ національнымъ вкусамъ; къ французскимъ „petits-plats“ онъ относился равнодушно. Помню разъ въ Петербургѣ пожелалъ онъ поужинать въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ. Я повезъ его къ „Эрнесту“, на Каменноостровскій; велѣли открыть бутылку вина и потребовали метр-дотеля. Явился эlegantный французъ съ карточкой кушаній. Николай Михайловичъ, не спѣша, надѣлъ пенснэ и внимательно перечелъ весь списокъ блюдъ отъ первой страницы до послѣдней, потомъ поморщился и брезгливо возвращая французу меню, заказалъ... телячьи ножки съ изюмомъ! Само собою разумѣется, что такого „номера“ на меню французскаго повара не оказалось, и сконфуженный метр-дотель заявилъ намъ, что потребуется не менѣе трехъ часовъ что-бы приготовить такое необычное блюдо. Такъ Николаю Михайловичу и не удалось попробовать телячьи ножки у „Эрнеста“.

Впослѣдствіи я надѣюсь еще вернуться къ этой замѣчательной личности, имѣвшей немалое вліяніе на мое собственное развитіе.

Старшая сестра Маріи Петровны Павловой (матери историка) Евгенія Петровна Рѣшетникова была давнишней пріятельницей моей бабушки, Юліи Федоровны Розовой. Евгенія Петровна принадлежала къ тѣмъ „послѣднимъ могикианамъ“ старой Москвы, которые перевелись уже къ концу шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка. Я помню ее очень хорошо, такъ какъ она пережила себя на много лѣтъ и казалась живымъ акварельнымъ портретомъ тридцатыхъ годовъ. Къ этому красивому періоду нашей дворянской культуры и относился разцвѣтъ ея юности. Родившись съ вѣкомъ, Евгенія Петровна была и въ старости удивитель-

но красива, изящна и „тонва“. Средняго роста, умѣренной полноты, величавая и медлительная, Евгенія Петровна не измѣнила модамъ своего времени. Она носила широкія платья со сборками и воланами, отложные воротнички и манжеты изъ тонкихъ домашнихъ кружевъ, тюлевые чепцы до бровей со старинными лентами, мягкіе башмаки безъ каблучковъ. Отъ ея поступи, движеній, голоса вѣяло прежнимъ, дореформеннымъ вѣкомъ. Поразительной бѣлизны и нѣжности ея руки были украшены тонкими эмалевыми колечками и не разставались съ батистовымъ прозрачнымъ платкомъ, надушеннымъ какими-то давно забытыми духами. И въ комнатахъ ея нахло стариной, но не затхлою стариной антикварной лавки, а живымъ ароматомъ былого вѣка. Бабушка Юлія Федоровна навѣщала Евгенію Петровну раза три, четыре въ зиму и брала иногда меня съ собою. Я помню хорошо ея небольшіе, свѣтлые, уютные покои, уставленные дорогой мебелью краснаго дерева съ штофной обивкой, трельяжами и зеркальными горками, гдѣ хранились заморскія раковины. На диванчикѣ, у замысловатаго рабочяго столика, въ формѣ вазы, сидѣла Евгенія Петровна въ очкахъ съ газетой въ рукѣ. Безшумно входилъ лакей Сергѣй, почтительно держа на серебрянномъ подносѣ золоченныя чашки александровскаго фарфора съ душистымъ чаемъ для насъ и граненый хрустальный стаканъ съ водой для Евгеніи Петровны; она по вечерамъ пила вмѣсто чая холодную воду съ вареньемъ. Разговоръ вертѣлся большей частью около политики; Евгенія Петровна ею очень интересовалась, но болѣе всего любила говорить о царской фамиліи и разныхъ придворныхъ новостяхъ, доходившихъ до нея черезъ супругу И. С. Аксакова, рожденную Тютчеву. Выѣзжала Евгенія Петровна очень рѣдко и не иначе, какъ въ каретѣ, съ вѣрнымъ Сергѣемъ на козлахъ. У насъ она бывала обязательно наканунѣ праздниковъ Покрова и Казанской, на домашнихъ всенощныхъ. И никогда не пріѣдетъ къ своей старой пріятельницѣ запросто, а непременно съ утра пришлетъ сказать, что будетъ въ такомъ то часу, зная, что для нея освѣтятъ парадныя комнаты, что чай подадутъ въ гостиной, въ дорогихъ чашкахъ „vieux Poroff“, и что весь домъ подтянется для пріема почетной гостыи.

Я будучи студентомъ любилъ посѣщать Евгенію Петровну и слушать ея рассказы про старину. Она сохранила необыкновенную память и охотно вспоминала былое. Въ этой замѣчательной женщинѣ чувствовалось обаяніе гостинныхъ старой Москвы, пока она еще не утратила „свой особый отпечатокъ“ патриархальности и барскаго фрондерства.

Евгенія Петровна вдовѣла съ незапамятныхъ временъ. Ея единственный сынъ жилъ въ имѣніи и рѣдко посѣщалъ Москву. Мнѣ ни-

когда не пришлось его видѣть. Е. П. Рѣшетникова скончалась въ восьмидесятихъ годахъ, въ глубокой старости.

Тургеневы были также давнишними знакомыми Розовыхъ. Николай Сергѣевичъ Тургеневъ, старшій братъ знаменитаго писателя, смолоду служилъ въ артиллеристахъ и такъ какъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со своей грозной мамашей—рожденной Лутовиновой, то принужденъ былъ въ молодые годы давать уроки математики, чтобы содержать себя. Поводомъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ послужила дочь камеръ-фрау Тургеневой, Анна Яковлевна, которая впоследствии сдѣлалась супругой Николая Сергѣевича. Послѣ смерти старухи Тургеневой ея вотчина—Лутовиново-Спасское въ Мценскомъ уѣздѣ—досталась Ивану Сергѣевичу, какъ младшему сыну, а родовое имѣніе отца—село Тургенево въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губ.—старшему сыну, Николаю Сергѣевичу.

Николай Сергѣевичъ и Анна Яковлевна были бездѣтны и жили зимой въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ-особнякѣ, на Пречистенкѣ, недалеко отъ Пожарнаго депо. Домъ этотъ выстроенъ былъ Николаемъ Сергѣевичемъ по образцу парижскихъ частныхъ „отелей“, которыхъ такъ много въ кварталѣ Елисейскихъ полей. Небольшой, двухэтажный, между дворомъ и садомъ, домъ Тургеневыхъ былъ отдѣланъ внутри съ большимъ вкусомъ и роскошью. Внизу помѣщался кабинетъ Николая Сергѣевича съ огромнымъ фламандскимъ каминомъ рѣзнаго дуба, съ полками по стѣнамъ, уставленными безчисленными книгами, съ обширнымъ рабочимъ столомъ посрединѣ; съ другой стороны вестибюля, внизу—была столовая въ очень выдержанномъ стилѣ, съ дельфтскимъ фарфоромъ по стѣнамъ и мѣдной голландской лампой на потолкѣ; изъ вестибюля широкая мраморная лѣстница, устланная бархатнымъ ковромъ, вела въ красивый „аванзалъ“ съ картинами французской школы и мраморными бюстами; затѣмъ шли приѣмныя комнаты: желтая гостиная, танцевальный залъ, дамская гостиная, обитая свѣтло-розовой матеріей „подъ шатеръ“. Бронзы, фарфоръ, картины и ковры были дорогие, „настоящіе“, *très cossus*.

Николай Сергѣевичъ мнѣ самъ рассказывалъ, что въ молодые годы, живя въ Петербургѣ на офицерское жалованіе, ему приходилось питаться въ кухмистерской и самому чистить себѣ сапоги. Съ перемѣной обстоятельствъ быстро перемѣнилась и обстановка жизни: Тургеневъ нанималъ сперва домъ у бабушки моей Юліи Федоровны въ Хлѣбномъ переулкѣ; потомъ Николай Сергѣевичъ купилъ на Пречи-

стенкѣ дворовое мѣсто, обнесъ его каменной оградой съ чугунной рѣшеткой и построилъ себѣ по своему плану и вкусу маленькій дворецъ. Анна Яковлевна сдѣлалась важной барыней, стала носить въ ушахъ крупныя солитеры, одѣваться въ бархатъ, соболя, и кружево; выѣзжала на чудныхъ рысакахъ съ ливрейнымъ лакеемъ на запяткахъ, посылала свое бѣлье мыть въ Парижъ; туда былъ посланъ на выучку и поваръ изъ бывшей дворни. Но самъ Николай Сергѣевичъ сохранилъ простоту привычекъ; ходилъ почти всегда пѣшкомъ, одѣвался небрежно; онъ носилъ такую истертую, порыжѣлую шубу, что разъ какая-то сердобольная купчиха, столкнувшись съ нимъ при выходѣ изъ церкви, протянула ему пятакъ, а онъ взялъ его машинально и положилъ въ карманъ. Въ другой разъ Николай Сергѣевичъ, по разсѣянности, зашелъ въ чужую квартиру, думая что идетъ къ знакомымъ, и попалъ въ спальню какой-то дамы, которая сидѣла передъ зеркаломъ и расчесывала себѣ волосы. По своей близорукости и забывчивости онъ часто попадалъ въ смѣшныя и неловкія положенія. Такъ случилось, что пріѣхавъ въ первый разъ въ незнакомый ему городъ за границей, онъ отослалъ въ гостинницу свои вещи и отправился прямо съ вокзала желѣзной дороги осматривать достопримѣчательности. Только возвращаясь съ прогулки, онъ вспомнилъ, что не зналъ ни названія гостинницы, куда послалъ свои вещи, ни улицы, гдѣ находилась эта гостинница. Пришлось прибѣгнуть къ помощи полицейскаго розыска.

Н. С. Тургеневъ былъ весьма замѣчательный человѣкъ. Внѣшностью онъ не походилъ на своего знаменитаго брата: средняго роста, плечистый и худощавый, онъ былъ некрасивъ собой, но очень типиченъ; его сѣдые волосы беспорядочно ерошились надъ крутымъ морщинистымъ лбомъ; мясистый, багровый носъ свисалъ надъ жесткими усами; маленькіе живые глаза насмѣшливо поблескивали изъ-за очковъ; короткая сѣдая эспаньелка придавала его лицу не русскій отпечатокъ. Не даромъ сложилась поговорка, что мужчина можетъ нравиться, если онъ хоть немного красивѣ чѣрта. Н. С. Тургеневъ былъ похожъ на стараго Мефистофеля, а между тѣмъ внѣшность его нравилась и запоминалась; хотѣлось смотрѣть на его характерное лицо, чрезвычайно подвижное, освѣщенное внутренней мыслью; когда онъ начиналъ говорить, сопровождая свою громкую, увѣренную рѣчь сильной жестикуляціей, умъ, казалось сверкалъ въ каждой морщинкѣ его лица. Николай Сергѣевичъ былъ очень просвѣщенный человѣкъ, въ совершенствѣ владѣлъ нѣсколькими иностранными языками, особенно французскимъ, на которомъ говорилъ, какъ истый парижанинъ. Онъ

постоянно читалъ, слѣдилъ за европейской литературой, интересовался театромъ, музыкой, живописью. Щедро одаренный отъ природы громадной памятью, пылкимъ воображеніемъ и способностью увлекаться, независимый, богатый, онъ жилъ исключительно высшими интересами, всегда поглощенный то вновь вышедшимъ романомъ, то зародившимся общественнымъ движеніемъ, то напумѣвшимъ политическимъ событіемъ; его упрекали въ дилетантизмъ и поверхностности, но онъ искренно увлекался новизной, искалъ ея примѣненія къ русской жизни и нерѣдко возмущался отсталостью и косностью нашего общества. Я помню его въ эпоху русско-турецкой войны 1876—1877 года, какъ онъ волновался и какъ громилъ славянофиловъ, вызвавшихъ Россію на освобожденіе болгаръ, которыхъ къ тому же не признавалъ славянами. Онъ считалъ насъ неподготовленными къ освободительной миссіи и пророчилъ неуспѣхъ славянофильскихъ вождедѣній, приведшихъ насъ къ балканской войнѣ. Пророчество, его, къ сожалѣнію, сбылось на Берлинскомъ конгрессѣ.—

Брата своего—писателя—Николай Сергѣевичъ боготворилъ и находился съ нимъ въ постоянной дружеской перепискѣ. Его письма представляютъ, безъ сомнѣнія, большой литературный и общественный интересъ. Николай Сергѣевичъ близко принималъ къ сердцу успѣхи своего знаменитаго брата и глубоко возмущался, когда Ивана Сергѣевича не понимали. Мнѣ помнится его горячая защита „Нови“ въ московскихъ кружкахъ, которые встрѣтили безъ восторга этотъ послѣдній романъ Тургенева. „Новь“ не угодила ни молодежи, ни „правящимъ сферамъ“. По словамъ Николая Сергѣевича, братъ его былъ не мало удрученъ упреками, раздавшимися въ то время по его адресу, и рѣшилъ больше романовъ не писать.

Отношенія между братьями Тургеневыми нѣсколько измѣнились къ концу семидесятихъ годовъ по причинамъ, такъ сказать, домашнего свойства. Вскорѣ послѣ того, какъ Николай Сергѣевичъ овдовѣлъ, онъ, не имѣя—кромѣ младшаго брата, постоянно жившаго за границей,—никого близкаго въ Москвѣ, взялъ къ себѣ въ домъ родственницу покойной жены, г-жу М. съ мужемъ и 14-ти лѣтней дочерью. Семья М. жила гдѣ-то въ глухой сѣверной провинціи и о существованіи ея Иванъ Сергѣевичъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ. Неожиданное появленіе этихъ дальнихъ родственниковъ покойной Анны Яковлевны не могло быть пріятнымъ единственному брату и наслѣднику крупнаго состоянія бездѣтнаго Николая Сергѣевича. Можно было предвидѣть, что Николай Сергѣевичъ, подъ влияніемъ поселившейся у него

семейки, отдалится отъ брата. Такъ оно и случилось. Бойкая и предприимчивая г-жа М. не только сдѣлалась вскорѣ полновластной хозяйкой въ домѣ Николая Сергѣевича, но послѣ его смерти оказалась, въ силу ловкаго юридическаго компромисса, наслѣдницей его богатаго родового имѣнія „Тургенева“ Тульской губ., и дома-особняка на Пречистенкѣ, въ Москвѣ. Иванъ Сергѣевичъ получилъ, если не ошибаюсь, послѣ брата лишь какой-то незначительный законный выдѣлъ и то, какъ я слышалъ, не безъ неприятныхъ переговоровъ съ семьей М.¹⁾ Между тѣмъ Николай Сергѣевичъ былъ гораздо богаче своего младшаго брата, жившаго за границей и много тратившаго на чужую семью. А Николай Сергѣевичъ былъ не только бережливъ, но понималъ сельское хозяйство и умѣлъ извлекать изъ своей вотчины хорошій доходъ.

Будучи новоиспеченнымъ студентомъ перваго курса Юридическаго факультета въ Москвѣ, я по приглашенію Николая Сергѣевича въ лѣтнее свободное время посѣтилъ его въ селѣ Тургеневѣ и прогостилъ у него три дня.

Подъѣзжая со станціи Мценскъ—Московско-Курской жел. дор. къ Тургеневу, уже издали можно было видѣть цѣлый городокъ каменныхъ построекъ подъ желѣзными крышами, раскинувшихъ на обширной усадьбѣ кругомъ стараго барскаго дома, въ которомъ родились и жили отцы и дѣды столбового дворянскаго рода Тургеневыхъ. Домъ этотъ одноэтажный, деревянный ни мало не напоминалъ помѣщичьихъ палатъ Екатерининскихъ и Александровскихъ временъ. Это была длинная и довольно неуклюжая постройка, въ которой трудно было уловить архитектурный стиль. Она, видимо, строилась постепенно, по мѣрѣ нарастанія семейства; женился сынъ—пристраиваютъ опочивальню для новобрачныхъ; родится ребенокъ—строятъ дѣтскую и т. д. Получилось длинное нескладное зданіе безъ всякаго фасада, выведенное не то угломъ, не то покоемъ, съ подъѣздомъ гдѣ-то сбоку, съ окнами различнаго рисунка, съ переходами, корридорами, и ступеньками между внутренними покоями. Но помѣстительности было много и комнаты были удобно, хотя и не роскошно, обставлены. Въ одной изъ нихъ—длинной и узкой вродѣ галереи—висѣли въ два ряда, противъ оконъ, семейные портреты Тургеневыхъ, въ темныхъ рамахъ. На почернѣвшихъ, потрескавшихся полотнохъ выступали Екатерининскіе и Павловскіе

¹⁾ Инк. Сер. говорилъ мнѣ, что онъ обмѣнялся съ братомъ обязательствомъ не имѣть взаимныхъ претензій къ наслѣдству другъ послѣ друга.

мундиры, пудренные парики, кружевные жабо и замысловатыя прически, фижмы и роброны нашихъ бабушекъ и прабабушекъ. Тутъ же мнѣ показали и поясной портретъ грозной мамыши Николая и Ивана Сергѣевичей—Варвары Петровны Лутовиновой, писанный, видимо, домашнимъ „Лукой“—какимъ нибудь крѣпостнымъ художникомъ. Въ обширномъ кабинетѣ Николая Сергѣевича, гдѣ была и его спальня, царствовалъ свойственный ему „артистическій“ беспорядокъ: на туалетномъ столѣ, на окнахъ и на полу лежали кучами книги и газеты, пожелтѣвшія отъ времени; на высокомъ каминѣ рядомъ съ бронзовыми часами, стояли банки съ пробами зерна, въ углу навалены были садовые инструменты; по стѣнамъ висѣли безъ всякой симметріи дагеротипные и фотографическіе портреты Ивана Сергѣевича въ разный періодъ его жизни, портреты покойной жены Николая Сергѣевича и его собственные; большая французская постель подъ балдахинномъ стояла у стѣны.

Къ сожалѣнію, во время моего краткаго пребыванія въ Тургеневѣ Николай Сергѣевичъ былъ боленъ—у него открылась рана на ногѣ (отъ нея онъ въ послѣдствіи и скончался) и онъ большую часть дня лежалъ въ постели. Я однако заходилъ къ нему и бесѣдовалъ о текущихъ политическихъ событіяхъ (это было въ 1877 году) и о предстоящей мнѣ поѣздкѣ за границу. Онъ очень оживился, заговоривъ о Парижѣ, и совѣтовалъ мнѣ непременно побывать у Ивана Сергѣевича, жившаго тогда въ окрестностяхъ Парижа, въ Буживалѣ.

Жизнь въ селѣ Тургеневѣ складывалась очень своеобразно—почти все время уходило на осмотръ хозяйственныхъ угодій и на усиленное питаніе; въ 9 часовъ подавали кофе съ горячими сливками, сдобными домашними булками и масломъ; въ 11—на терасѣ ѣли простоквашу или варенецъ съ сухарями изъ чернаго хлѣба, сахаромъ, корицей; въ 12½ подавали обильный завтракъ въ 3—4 горячихъ блюда съ отличнымъ квасомъ и домашними наливками; послѣ завтрака на терасѣ продолжительно пили чай съ вареньемъ и медомъ, въ 4 звонили къ обѣду, въ 6 угощали ягодами и фруктами, въ 7 пили вечерній чай съ домашнимъ печеньемъ, въ 9½—ужинъ, который являлся точнымъ повтореніемъ обѣда, начиная съ супа и кончая сладкимъ; послѣ ужина опять подавали чай! Не смѣтруя на свой исправный аппетитъ и свои 20 лѣтъ, я находилъ такое частое питаніе чрезмѣрнымъ. Въ „антрактахъ“ между завтракомъ, обѣдомъ, чаемъ, и проч. осматривали хозяйственные постройки: цвѣтники, оранжереи, плодовый садъ, птичій дворъ, и проч. и проч.

Хозяйство Н. С. Тургенева было въ отличномъ, образцовомъ порядкѣ—племянной швейцарскій скотъ пасся на огороженномъ обшир-

номъ выгонѣ, сотни домашней птицы оглашали воздухъ разнообразными криками на широкой, обнесенной тыномъ, полянѣ; тяжелые першероны стояли на конномъ дворѣ въ свѣтлыхъ просторныхъ стойлахъ; въ каменныхъ сараяхъ хранились сельско-хозяйственныя машины; двухъэтажная зерносушилка составляла гордость хозяина. Меня водили въ контору, гдѣ можно было видѣть образцы всевозможныхъ хлѣбовъ и корнеплодовъ съ Тургеневскихъ полей, планы имѣнія и отчетныя книги по всякой отрасли хозяйства. Отчетность велась съ такими подробностями, что въ концѣ каждаго мѣсяца можно было сдѣлать полный учетъ всей экономіи. Я не могу сказать, было ли все это заведено самимъ Николаемъ Сергѣевичемъ, т. к. въ годъ моего пріѣзда къ нему въ Тургенево, имѣніемъ фактически управлялъ мужъ г-жи М., видимо опытный хозяинъ. Но на всемъ лежалъ отпечатокъ такого довольства и обилія, что самаго бѣлаго обзора было достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о стародавнемъ благоустройствѣ и богатствѣ Тургеневской вотчины.

Признаюсь, меня меньше интересовало хозяйство Ник. Сергѣевича, чѣмъ то въ его имѣніи, что напоминало автора „Записокъ охотника“. Но о немъ говорили какъ-то мало и какъ-будто немного проницательно; казалось, хотѣли подчеркнуть, что-де вотъ здѣсь, въ Тургеневѣ—порядокъ, процвѣтаніе, успѣхъ, а у Ивана Сергѣевича рядомъ, въ Спасскомъ, запущеніе, упадокъ, „подсѣканіе улья“, по собственному выраженію владѣльца Лутовиновскаго помѣстья. „Да, это не Буживаль“, говорилъ время отъ времени мужъ г-жи М., показывая мнѣ образцовую свиную закуту или чанъ съ навозной жижей для поливки огородовъ.

Я, однако, могъ улучшить минуту и подъ вечеръ съѣздивъ на бѣговыхъ дрожкахъ осмотрѣть „Бѣжинъ Лугъ“, на границѣ имѣній обоихъ братьевъ Николая Сергѣевича и Ивана Сергѣевича Тургеневыхъ. Но и тамъ словоохотливый М. не далъ мнѣ спокойно налюбоваться, при солнечномъ закатѣ, на чудную зеленую поляну, которая открывалась глазамъ за небольшимъ пригоркомъ, засѣяннымъ пшеницей. М. трещалъ безостановочно, высчитывая пуды накашиваемаго на Бѣжиномъ лугу сѣна и излагаая преимущества раздѣлки луговъ подъ клеверъ и вику.

Послѣ моего посѣщенія Тургенева лѣтомъ 1877 года, мнѣ не удалось уже болѣе видѣть Николая Сергѣевича. Болѣзнь его осложнилась и онъ не вернулся въ Москву.

Въ дни своей молодости дѣдъ мой Александръ Ивановичъ Розовъ былъ друженъ съ сослуживцемъ своимъ по московскимъ присутствен-

нымъ мѣстамъ, Василиемъ Николаевичемъ Жарковымъ, который былъ моложе его на года три-четыре, но по характеру, складу ума и наклонностямъ принадлежалъ къ болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ мой дѣдъ, отзывчивый на все новое, живой и просвѣщенный. Супруга В. Н. Жаркова, Елена Осиповна, была очень дружна съ моей бабушкой Юліей Федоровной и часто ее посѣщала. Хотя онѣ были почти однихъ лѣтъ, однако Елена Осиповна также казалась гораздо старше бабушки Юліи Федоровны. Я въ дѣтствѣ хорошо помню и Василю Николаевича, и въ особенности почтенную Елену Осиповну, пережившую на много лѣтъ своего супруга, и былъ принятъ въ ихъ домѣ по родственному. Они жили тогда на казенной квартирѣ въ Москвѣ, у храма Спасителя, постройкой котораго завѣдывалъ В. Н. Жарковъ, въ качествѣ главнаго наблюдателя и предсѣдателя строительной комиссіи.

Тайный совѣтникъ В. Н. Жарковъ былъ человѣкъ огромнаго роста и тучнаго тѣлосложенія. Большая и почти безволосая голова его сидѣла на могучей шеѣ, замотанной въ широкій атласный галстухъ, подпирающій подбородокъ и щеки. Обширный черный двубортный сюртукъ, съ высокимъ воротникомъ и длиннѣйшими узкими рукавами, плотно облегалъ его грузное тѣло. Весь бритый, нахмуренный, съ тяжелымъ подбородкомъ и надутыми „по Александровски“ губами, онъ производилъ внушительное впечатлѣніе. Говорилъ онъ также „по Александровски“—немного въ носъ, густымъ басомъ, медленно и неохотно, точно цѣня каждое свое слово на вѣсь золота. Его боялась вся семья, начиная съ добродушнѣйшей Елены Осиповны и кончая младшимъ изъ ея девятирехъ дѣтей—Павломъ, которому было тогда лѣтъ 15. Одна старшая его дочь, красавица Софья Васильевна, осмѣливалась за столомъ заговорить съ отцомъ. Я помню томительные обѣды въ домѣ Жарковыхъ, куда меня съ сестрой возили на цѣлый день поиграть со внуками старика Жаркова—Савельевыми. Василий Николаевичъ сидѣлъ за столомъ насупившись, между женой и замужней дочерью Савельевой, къ которой иногда обращался съ отрывочными вопросами; Елена Осиповна видимо робѣла передъ своимъ повелителемъ, другія дѣти кругомъ не смѣли глазъ поднять съ тарелокъ; только старшая Софья вскидывала своими черными лучистыми глазами и вступала въ разговоръ съ „папенькой“. Меня Василий Николаевичъ почему-то очень жаловалъ; обращался со мной шутливо, называлъ „хохлому“ и заставлялъ пѣть пѣсенку: „Горе, мое горе, жена разлюбила“.

До завѣдыванія постройкой храма Спасителя, Вас. Ник. Жарковъ былъ попечителемъ одного изъ московскихъ старообрядческихъ кладбищъ.

Онъ слылъ за человѣка строгихъ правилъ, непреклоннаго и отлично знающаго дѣло. Старообрядческое общество его любило: поблажки онъ не давалъ, но и не притѣснялъ ввѣренныхъ его завѣдыванію. Связи съ московскими замоскворѣчными толстосумами способствовали ему составить себѣ хорошее состояніе. Дѣдушка Александръ Ивановичъ рассказывалъ, что другу его, Жаркову, старообрядцы пробовали подносить денежные подарки, но онъ, безъ церемоніи выгонялъ подносителей вонъ, топалъ на нихъ ногами. Въ день его ангела, который совпадалъ съ новымъ годомъ, однажды принесли ему поднось съ фруктами. Поднось, разумѣется, серебряный, да что-же значить такая малость отъ цѣлаго „кладбища“? На поднось салфетка и десятка два крупныхъ дюшесъ, да кисти винограда. Василиій Николаевичъ вышелъ къ поздравителямъ, поворчалъ на нихъ: „ну вотъ, что я маленькій что-ли, что вы меня грушами да виноградомъ угощать вздумали“ однако поднось принялъ и благодарилъ за поздравленіе. Потомъ оказалось: подъ салфеткой десять тысячъ новенькими сторублевыми асигнаціями. На всѣ попытки Василя Николаевича вернуть эти деньги старообрядцамъ, былъ отъ нихъ одинъ отвѣтъ: „Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ“.—

Елена Осиповна происходила изъ хорошей дворянской семьи и получила тщательное воспитаніе; о чемъ можно было заключить по ея манерамъ и французскому языку. Чрезвычайно кроткая и спокойная она всецѣло отдавала себя домашнимъ заботамъ и многочисленному своему потомству. Пользуясь ея добротой, не только дѣти, но и прислуга относилась къ ней фамиллярно. Я помню разъ, при мнѣ, на ея повторную просьбу подать чаю, экономка ей отвѣтила: „Войди въ разумъ, матушка, видишь, я занята; имѣй терпѣніе“! Зато Василиій Николаевичъ былъ грозой въ домѣ, оставаясь въ сущности добрымъ-шимъ человѣкомъ, но которому природа дала суровую, неприступную внѣшность, густѣйшій басъ и большую долю упрямства.

Жарковы жили впоследствии въ своемъ домѣ на малой Дмитровкѣ, въ Дегтярномъ переулкѣ. Я хорошо помню этотъ обширный, деревянный, барскій особнякъ съ мезониномъ и подъѣздомъ со двора. Тамъ помѣщалась кромѣ семьи Жарковыхъ еще семья одной изъ дочерей Василя Николаевича Екатерины Васильевны Савельевой, мужъ которой, Александръ Васильевичъ, служилъ въ канцеляріи Московскаго Ген. Губернатора и числился въ какомъ то Попечительномъ Совѣтѣ. У Савельевыхъ было трое дѣтей—два сына—Вася и Коля наши (т. е. меня и сестры моей Евгеніи) сверстники и дочь Савельева отъ перваго брака Катя, которая была лѣтъ на пять старше. Такимъ обра-

зомъ, въ домѣ Жарковыхъ ежедневно садилось за столъ своихъ семейныхъ 15—16 человѣкъ, но всегда еще гостили какіе-нибудь ростовники, напр. сестра Василия Николаевича—Марія Николаевна. Изъ дочерей Василия Николаевича только старшая Софья не вышла замужъ и посвятила себя Московской благотворительности, состоя попечительницей въ разныхъ пріютахъ, богодѣльняхъ и школахъ. Она сумѣла приумножить наслѣдство, доставшееся ей послѣ родителей, и въ восьмидесятыхъ годахъ владѣла въ Москвѣ нѣсколькими доходными домами—на Плющихѣ, въ Газетномъ переулкѣ, у Курскаго вокзала и на Спиридоновкѣ. Остальныя пять дочерей Жаркова всѣ вышли замужъ за извѣстныхъ въ Москвѣ личностей—Строева, Вечеслова, Мензбира и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ и нынѣ здравствуютъ, проживая въ Москвѣ, въ собственныхъ домахъ. Старшія три—Софья Вас., Екатерина Вас. и Юлія Вас. были очень дружны съ моею матерью и теткой Надеждой Александровной, и на меня съ сестрой перенесли чувства пріязни и родственнаго участія во всякихъ семейныхъ дѣлахъ.

Исторія „дома Жарковыхъ“ могла бы составить любопытную книгу бытописанія и дать наглядный образецъ типичной московской чиновной семьи второй половины XIX вѣка.

Въ домѣ Жарковыхъ, во дворѣ, въ отдѣльномъ флигелѣ жилъ одно время извѣстный московскій обжора Рахманинъ, проѣвшій со своими поварами большое состояніе.

Въ дѣтствѣ мы любили ѣздить съ бабушкой Юліей Федоровной Розовой не столько къ знакомымъ, гдѣ какъ-то мало встрѣчали дѣтей нашего возраста, сколько къ разнымъ стариннымъ дѣдушкинымъ „знакомцамъ“ по части художественной древности. Я упоминалъ уже въ 1-ой главѣ, что дѣдъ Александръ Ивановичъ Розовъ былъ большой любитель картинъ и за свою долгую жизнь успѣлъ составить себѣ прекрасную коллекцію старыхъ голландцевъ, которыхъ у него имѣлось болѣе ста. Что-бы собрать такое значительное число хорошихъ картинъ дѣдъ ѣздилъ по разнымъ закоулкамъ Москвы и имѣлъ своихъ „знакомцевъ“, указывавшихъ ему гдѣ, какую вещь можно приобрести и за сколько. Къ числу такихъ его „знакомцевъ“ принадлежалъ, между прочими, извѣстный въ то время реставраторъ Успенскаго собора въ Москвѣ Николай Ивановичъ Подклюшниковъ.

Н. И. Подклюшниковъ жилъ въ то время въ своемъ домѣ на Цокровкѣ, въ одномъ изъ переулковъ, ведущихъ къ Курскому вокзалу

Съ молодю Подклюшниковъ былъ извѣстенъ какъ хорошій художникъ, избравшій себѣ особую спеціальность—*les intérieurs*. Нѣкоторыя его картины, изображающія внутренность комнатъ и церквей, хранятся въ музеяхъ Петрограда и Москвы. Но Николай Ивановичъ, былъ болѣе извѣстенъ какъ реставраторъ, и о своей дѣятельности по реставраціи Успенскаго собора въ Москвѣ любилъ рассказывать всеѣмъ и каждому. Отъ многократности повторенія рассказы эти „скристаллизировались“, и кто слушалъ его внимательно во второй разъ, зналъ напередъ, гдѣ, какая фраза будетъ сказана. Напр., говоря о своемъ спорѣ съ Московскимъ Митрополитомъ Филаретомъ по поводу какого то орнамента или фрески въ соборѣ, Подклюшниковъ вставлялъ: „А вѣдь Филаретъ въ то время кусался!“ Прослушавъ разъ пять исторію его техническаго состязанія съ знаменитымъ Московскимъ Владыкой, я хорошо помнилъ эту вставную фразу и ждалъ ее на своемъ мѣстѣ—и она непременно повторялась съ той же интонаціей.

Когда я познакомился съ Подклюшниковымъ ему было далеко за семьдесятъ. Маленькій, высохшій старичекъ, съ совершенно беззубымъ ртомъ, плохо выбритый, съ рѣдкими сѣдоватыми волосами, начесанными на лобъ и примазанными чернымъ фиксажемъ, въ застегнутомъ сюртукѣ, безъ признаковъ бѣлья, онъ имѣлъ видъ стараго приказнаго отъ Иверскихъ воротъ. Глядя на его тощую фигуру, стоптанные сапоги и закорюзлыя руки съ несмываемой краской кругомъ ногтей, никто бы не сказалъ, что Подклюшниковъ не только домовладѣлецъ, но и обладатель одной изъ богатѣйшихъ коллекцій картинъ русской школы, старинной русской утвари и особенно церковныхъ древностей. Домъ его, довольно большой, двухъэтажный, представлялъ изъ себя обширный музей: стѣны были увѣшаны въ нѣсколько рядовъ десятками экрановъ съ натѣльными металлическими крестами; въ стеклянныхъ шкапахъ и на этажеркахъ хранились сотни, если не тысячи, чарочекъ, потемнѣвшихъ отъ времени, на потолкахъ висѣли лампы и паникадилы; большіе сундуки были наполнены старыми иконами, складнями и веригами; въ одной изъ верхнихъ комнатъ—мастерской, какъ ее называлъ Николай Ивановичъ—лежали снятые съ подрамниковъ (для экономіи мѣста) холсты масляныхъ картинъ стопой выше человѣческаго роста; картины въ рамахъ стояли и висѣли всюду—въ темныхъ углахъ, за шкапами, на окнахъ и подъ лѣстницей; тутъ были и портреты архіереевъ, и обнаженные нимфы, и виды соборовъ, и голландская кухня, и развалины римской Кампаньи—все это перемѣшивалось въ хаотическомъ беспорядкѣ, покрытое многолѣтней пылью. Подклюшниковъ одинъ могъ разобраться въ тысячахъ предметахъ его коллек-

цій и охотно водилъ посѣтителей изъ комнаты въ комнату, показывая свои рѣдкости и давая подробнѣйшія объясненія всякой вещи, обратившей на себя вниманіе. Ни каталога, ни списка его картинъ и рѣдкостей у него не было и онъ едва-ли самъ подозрѣвалъ, какпхъ огромныхъ денегъ стоитъ его собраніе. Когда впоследствии я посѣтилъ музей Щукина въ Москвѣ и Музей Императора Александра III въ Петроградѣ, то въ отдѣлѣ русскихъ церковныхъ древностей поразила количествомъ знакомыхъ мнѣ вещей изъ дома Подклюшникова.

Николай Ивановичъ былъ умный, живой и очень занимательный старикъ; его рассказы пестрили мѣткими словечками и проникнуты были своеобразнымъ старо-московскимъ юморомъ. Онъ любилъ вспоминать мелочи и анекдоты изъ жизни духовныхъ іерарховъ и рассказывалъ ихъ неподражаемо. Имѣлъ также пристрастіе къ страшнымъ исторіямъ, въ которыхъ не мало мѣста отводилось діаволу. Онъ утверждалъ, что чертъ вмѣшивается во всякія людскія дѣла, какъ большія, такъ и малыя и подстерегаетъ человѣка, какъ бы его погубить. Поэтому онъ совѣтовалъ постоянно остерегаться нечистой силы и рѣзко осуждалъ склонность нѣкоторыхъ очень молодыхъ людей, ради хвастовства или шутки, подвергать себя ненужной опасности, что-бы показать свою неустрашимость. На эту тему у него было много рассказовъ, одинъ страшнѣе другого. Мнѣ помнится напр. его рассказъ объ его товарищѣ по школѣ, мальчикѣ 14-ти лѣтъ, который въ шутку повѣсилъ въ присутствіи другого мальчика. Въ тотъ моментъ, когда шалунъ просовывалъ голову въ петлю, его товарищъ, готовый снять веревку съ гвоздя и тѣмъ освободить висѣльника, вдругъ услышалъ, что его кто-то громко и повелительно зоветъ по имени изъ сосѣдней комнаты. Онъ выбѣжалъ, но тамъ никого не было, а когда вернулся, то засталъ своего товарища уже мертвымъ, затыкнутымъ. Жизнь самого Подклюшникова окончилась трагически: не даромъ внушалъ ему такой страхъ владыка ада! Старикъ сгорѣлъ заживо. Каждый вечеръ, втеченіе многихъ лѣтъ писалъ онъ передъ сномъ, лежа въ постели, при свѣтѣ ручной лампы, свой дневникъ. Его предупреждали, что это опасно, но онъ упорствовалъ. Разъ ночью сынъ его, помѣщавшійся въ верхнемъ этажѣ, почувствовалъ сильный запахъ гари; спустившись въ комнату отца, онъ увидѣлъ ужасное зрѣлище: постель Николая Ивановича, пылала, какъ костеръ; разбитая керосиновая лампа валялась на полу. Въ огнѣ погибли и драгоцѣнныя записки Подклюшникова, хотя пожаръ удалось прекратить домашними средствами.